

Статус раввина в позднесоветских еврейских общинах: институциональные вызовы и адаптационные стратегии

Семен Сергеевич Падалко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Аспирант 3-го года обучения

ORCID: 0000-0002-9491-5003

Кафедра этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

E-mail: semenpadalko14@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.16

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФ № 24-18-00479 «Еврейская духовная традиция и сохранение идентичности: от Библейской эпохи к современной России».

Аннотация. Статья посвящена исследованию статуса раввинов в еврейских общинах СССР в 1960–1980-е гг., анализу институциональных вызовов и адаптационных стратегий, вызванных антирелигиозной политикой государства. Рассматриваются три традиционные функции раввинов: религиозная, судебская и педагогическая, которые в позднесоветский период претерпели значительные изменения. Из-за отсутствия системы подготовки кадров (иешив) и естественной убыли духовных лидеров общины вынуждены были адаптироваться, передавая функции раввинов ризникам, канторам и другим знающим членам общины. Особое внимание уделяется трансформации статуса раввинов в условиях государственного контроля, их роли как «дипломатов» для международного представительства и «наставников» для сохранения традиций. Используя концепцию институционального изоморфизма, автор показывает, как внешние и внутренние факторы влияли на процессы профессионализации и деградации института раввината. Основу источниковой базы исследования составили документы Совета по делам религий, относящиеся к трем регионам: Ленинграду, Нальчику и Брянской области.

Ключевые слова: *евреи в СССР, раввины, синагога, иешива, религиозные институты, религиозная политика*

Ссылка для цитирования: *Падалко С. С. Статус раввина в позднесоветских еврейских общинах: институциональные вызовы и адаптационные стратегии // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2025: «Время перемен» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 328–347. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.16*

В результате антирелигиозной политики советского государства, целенаправленно разрушавшего иудейские религиозные институты в первые десятилетия после революции, к середине XX в. еврейские общины столкнулись с критической нехваткой квалифицированных раввинов, получивших традиционное религиозное образование. Ситуация особенно обострилась к 1960-м гг., когда из-за естественной убыли число оставшихся духовных лидеров снизилось до критических значений.

Обобщенное понимание статуса раввина в еврейской традиции заключалось в том, что раввин считался признанным в еврейской среде знатоком галахического и ритуального законодательства, способным выступать духовным и религиозным лидером общины [ЕЭ 1912, 216]. Следовательно, за раввином закреплялось три основные выполняемые им функции: религиозная – руководить и следить за исполнением иудейских обрядов; судейская – обладать судейскими полномочиями и трактовать религиозное право – Галаху; педагогическая – обучать традиции и быть духовным наставником.

При этом важным маркером раввинского статуса являлась *смиха* – раввинское посвящение, которым большинство раввинов в Советском Союзе во второй половине XX в. уже не обладало. Тем не менее, как указывал Мордехай Альтшуллер, такие раввины играли важную роль в жизни общины, и поэтому их следует рассматривать как раввинов, даже если в других обстоятельствах их претензии на это звание¹ были бы сомнительны [Altshuler 2012, 120].

Следуя данному подходу, мы будем использовать термин «раввин» для обозначения человека, который был наделен этим

¹ В английском переводе монографии М. Альтшуллера, выполненном Саадием Штернбергом, используется устойчивое выражение «claim to the title».

статусом либо членами еврейских общин, либо государственными органами, независимо от наличия духовного образования. В случаях, когда речь идет о профессиональном раввине (то есть получившем смиху), это специально оговаривается.

В историографии советского еврейства институту раввината, как и официальным синагогам, не уделялось значительного внимания. Исключения составляют отдельные исследования: движению Хабад Любавич и его лидеру Йосефу-Ицхаку Шнеерсону, предпринявшему попытку создать всесоюзный раввинат в 1920-е гг., посвящена статья Давида Фишмана [Фишман 2017, 179–211]. О раввинах сибирских общин 1920-х гг. пишет Виктория Герасимова [Герасимова 2024, 184–187]. Эти работы показывают, что в первые годы советской власти действующие раввины продолжали свою деятельность, пытаясь выстроить диалог с новой властью. Данная традиция сохранялась вплоть до конца 1930-х гг., пока вследствие эмиграции общинных лидеров и репрессий против духовенства число профессиональных раввинов не сократилось до критического минимума, а иешив, где можно было готовить новых, практически не осталось.

В монографии М. Альтшуллера, посвященной иудаизму в СССР в послевоенные десятилетия (1940–1960-е гг.), представлена новая оценка деятельности раввинов и канторов: они предстают как трагические фигуры, чьи усилия по защите синагоги были направлены на ее выживание в условиях СССР [Altshuler 2012]. В работах Бенджамина Пинкуса и Цви Гительмана деятельность раввинов и функционирование синагог периода 1960–1980-х гг. представлены фрагментарно – преимущественно через статистические показатели численности легальных общин и подпольных миньянов [Pinkus 1988; Gitelman 1989].

Отдельное внимание привлекают статьи Марии Каспиной о фигуре Рыбницкого ребе – раввине Хаиме Занвле Абрамовиче и его жены Сары (Сурки) Абрамович, отраженные в устных рассказах жителей приднестровского города Рыбница. Автор акцентирует внимание на нехарактерных для традиционного уклада обязанностях, которые ребецн Сурка была вынуждена брать на себя в качестве фактического габая (помощник ребе) во время их совместного проживания в советской Рыбнице (1941–1973) [Каспина 2020].

В данной статье статус раввина в позднесоветский период (1960–1980-е гг.) и адаптационные стратегии еврейских общин в условиях острой нехватки квалифицированных духовных лидеров исследуются через призму документации Совета по делам религий (СДР). Представленные в статье материалы вводятся в научный оборот впервые. Основное внимание будет уделено именно этому корпусу источников, не включающему документы других советских государственных и партийных органов. Такой выбор обусловлен рядом факторов.

Во-первых, с точки зрения советской конфессиональной политики именно СДР являлся ведомством, ответственным за взаимодействие с религиозными объединениями, тогда как другие государственные органы не имели таких задач и в своей деятельности использовали материалы, подготовленные сотрудниками СДР. Поэтому документация Совета рассматривается в качестве первичного звена в системе межведомственного документооборота и обладает приоритетным статусом в исследовании.

Во-вторых, поскольку СДР был наделен полномочиями по сбору информации, логично предположить, что наиболее полные (в сравнении с другими ведомствами) обзоры и сведения о религиозных объединениях составлялись именно его сотрудниками. Как следствие, руководители религиозных обществ и священнослужители обращались в СДР для решения своих проблем. По мнению исследователя А.В. Горбатова, именно Совет являлся «единственной и последней инстанцией» в глазах верующих [Горбатов 2008, 66].

В-третьих, не менее важной стороной исследовательской работы является доступность архивов и отдельных архивных фондов по периоду позднего СССР. Фонды СДР как федеральных, так и региональных архивов являются более открытыми для исследователей, нежели архивы силовых ведомств.

При работе с данным типом источников необходимо учитывать проблему достоверности и степени репрезентативности отражения религиозной жизни в документах уполномоченных СДР [Люрманн 2012, 486]. Методологически в настоящей статье вопрос достоверности рассматривается в рамках антропологии бюрократии. Исследуемые отчеты рассматриваются как документы с приобретенным статусом достоверности заключительного акта, не предполагающие

процедуры проверки репрезентируемой ими информации, истинность которой освящена инстанцией [Байбурин 2017, 19]. Таким образом, информация, содержащаяся в отчетах, признавалась достоверной в силу своего происхождения от уполномоченного органа власти и последующего включения в систему принятия решений, когда на эти документы опирались в своей работе центральный аппарат СДР, партийные и правительственные структуры.

В исследовании использованы архивные документы из фондов СДР федерального (ГАРФ) и региональных архивов (Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская республика, Брянская обл.). Выбор регионов не случаен: автор статьи стремился отобрать материалы, отражающие разнообразие еврейской религиозной жизни, – столичного центра (Ленинград), территории компактного проживания евреев восточных общин (Нальчик) и малых общин (Брянск, Новозыбков, Клинцы).

В статье применяется концепция институционального изоморфизма П. Дж. Димаджо и У. В. Пауэлла [DiMaggio 1983] для анализа трансформации статуса раввинов в позднесоветский период. В рамках социологии организаций данная концепция используется для изучения процесса гомогенизации организационных полей, в результате которого организации и институты, входящие в одно поле, под воздействием внешней среды становятся схожими по своей структуре и применяемым практикам. Особое внимание уделяется процессам профессионализации как ключевому фактору организационных изменений. В исследовании еврейские религиозные общины позднего СССР рассматриваются в качестве единого организационного поля.

Под профессионализацией здесь понимается процесс формализации условий деятельности, методов работы и легитимации профессиональной автономии религиозных лидеров, где особую роль играли институциональные основания – система подготовки кадров, уровень образования и квалификационные требования. Исследование фокусируется на том, как под воздействием внешней институциональной среды (советского религиозного законодательства) и внутренних общинных отношений происходила адаптация к ним функций раввинов, выработывались новые стратегии профессионального поведения и модифицировались традиционные ролевые модели.

Проблема подготовки раввинов

Если опираться на статистику СДР, то к 1967 г. служителей иудейского культа насчитывалось 114 человек на 232 общины (в данном случае в отчете суммируются данные как об официальных, так и неофициальных общинах). Причины несоответствия числа служителей культа числу общин объяснялись естественной убылью, которая не восполнялась. Ее темпы были весьма внушительны: если в 1966 г. раввинов насчитывалось 79, то на следующий год – уже 68, то есть сокращение почти на 14% за год².

К концу 1960-х гг. проблема подготовки иудейского духовенства в СССР обострилась из-за ряда взаимосвязанных факторов. Во-первых, значительная часть лиц, исполнявших обязанности раввинов, либо не имели специального образования, либо получили его еще в дореволюционный период и к этому времени достигли преклонного возраста. Во-вторых, ситуация усугублялась многолетним (с конца 1920-х гг.) отсутствием в стране системы подготовки кадров – иешив, что создавало угрозу преемственности духовных традиций. Лишь в 1957 г., в период относительной либерализации религиозной политики, Московской хоральной синагоге (МХС) удалось добиться разрешения на открытие единственного в СССР учебного заведения для подготовки раввинов – иешивы «Коль Яаков», но это лишь частично смягчило кадровый кризис.

Однако полноценно реализовать свою работу иешива не смогла ввиду нескольких причин. Во-первых, финансовое обеспечение ее деятельности (выплата стипендий ученикам, заработная плата учителей) было возложено на общину МХС и тех общин, которые направляли на обучение своих представителей. Например, в 1967 г. расходы на содержание иешивы при пяти учениках составили 1460 рублей в месяц³. Во-вторых, количество учеников ограничивалось процедурой согласования. В частности, если религиозная община желала направить на обучение своего члена, то сначала требовалось согласовать его с региональным уполномоченным, чтобы он в свою очередь походатайствовал в центральный аппарат. Например, Нальчикская община горских евреев в 1978 г. на-

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 153. Л. 167.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 153. Л. 160.

правляла на учебу в МХС будущего резника, не получив возражения со стороны уполномоченного Совета по Кабардино-Балкарской республике Л. Аисова, рекомендовавшего одобрить прошение общины, ученик был принят на годовой курс подготовки⁴. В-третьих, количественный анализ выпускников иешивы свидетельствует о явном дисбалансе в подготовке кадров. Согласно отчету СДР за 1968 г., за период с 1956 по 1967 г. из 21 выпускника иешивы лишь один получил квалификацию раввина, тогда как большинство обучалось на резников (шойхетов). В документах этот факт объяснялся недостаточным уровнем подготовки учащихся, что следовало из устных бесед сотрудников СДР с председателем исполнительного органа МХС⁵.

Дополнительной сложностью являлась разница в иудейской традиции – ашкеназской и сефардской, – характерной для восточных общин. В иешиве преподавали раввины МХС – исповедующие иудаизм литовского направления. В то же время большинство учеников были выходцами из восточных общин СССР: грузинских, бухарских и горских евреев. Раввин Шертиль Шалумов, горский еврей из Махачкалы, обучавшийся в иешиве в 1983–1987 гг., в своих автобиографических заметках вспоминал:

В процессе обучения практические вопросы соблюдения традиции можно было обсуждать детально, сравнивая опыт учителей и учеников из разных мест. Вспоминая, как тот или иной религиозно важный момент реализовывался в махачкалинской общине, я понимал, что есть разные течения – ашкеназское и сефардское [Шалумов 2010, 50].

В Российской империи конца XIX в. модель регулирования раввинского статуса законодательно закрепляла назначение казенных раввинов в качестве руководителей еврейских общин. Кандидатуры утверждались государством через процедуру согласования в Министерстве внутренних дел. Претенденты на эту должность должны были иметь либо образование, полученное в духовном училище, либо диплом светского университета. Традиционные иешивы к числу образовательных учреждений не относились, поэтому лица,

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1356. Л. 6.

⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 153. Л. 160.

обучавшиеся в них, не могли претендовать на должность казенного раввина и могли стать только раввинами духовными.

Пример государственного регулирования иудейского духовного образования демонстрирует сохранение в позднейимперский период самого тезиса «учености» раввина и его подчеркнута высокий статус в общеврейской среде. Советское законодательство о религиозных культах коренным образом изменило данную модель раввинского статуса. Государство больше не регулировало вопрос подготовки раввинов, ликвидировало институт казенного раввина, сняло любые требования к занятию духовных должностей в религиозных общинах, а вопрос коммуникации с властью был передвинут в сторону членов исполнительного органа синагоги.

Общинное лидерство

Первой ролевой моделью адаптации раввинов к условиям советской религиозной политики, которую можно зафиксировать к 1960-м гг., является роль «главы общины». В соответствии с законом 1929 г. «О религиозных объединениях» [Постановление 1929] в общинах должны были быть представлены: 20 человек учредителей общества, так называемая двадцатка, подававшие прошение о его открытии (статья 5); исполнительный орган религиозного объединения – 3 человека, избираемые верующими (статья 13); ревизионная комиссия – 3 человека (статья 15) и служители культа (статья 19). Помимо «служителей» в статье закона приводятся и другие наименования: «религиозные проповедники» и «наставники». В целом в тексте постановления использована нейтральная лексика, приемлемая в отношении всех конфессий, хотя несомненно, что закон написан с оглядкой на структуру христианских церквей, прежде всего православной (так, статья 20 четко отсылает к епархиальному управлению).

Статья 19, регулирующая положение служителей культа, упоминала лишь территорию их деятельности, ограничивая ее местом жительства верующих и расположением молитвенного здания. Таким образом, если верующие, исполнительный орган и ревизионная комиссия в положениях, регулирующих их деятельность, обладали агентностью – указывается их функционал и процедура их

избрания, то в случае со служителями таковой в законе не присутствовало.

При сравнении с дореволюционным законодательством видно, что служители культа, к какой бы конфессии они ни принадлежали, не определяются в законе «О религиозных объединениях» с точки зрения своего функционала. К ним также не предъявляется требований по наличию или отсутствию образования. При этом прямо указывается, что для выполнения функций управления, пользования имуществом и внешнего представительства избирается исполнительный комитет. Применительно к еврейским общинам, если раввин в предреволюционный период являлся главой общества, а хозяйственное правление должно было заниматься лишь экономическими вопросами, то для позднесоветского периода акцент смещается на председателя исполнительного органа.

В условиях, когда раввин в общине существовал, он мог обладать только моральным и символическим авторитетом для прихожан, однако с точки зрения бюрократического аппарата главой общины формально являлся председатель исполнительного объединения.

Отчеты Уполномоченного СДР по Ленинградской области – важный источник сведений не столько о жизни еврейской общины, сколько о степени восприятия той реальности, которую видели и анализировали советские чиновники. С их точки зрения, в конце 1960-х гг. ситуация в общине выглядела следующим образом. Основное религиозное ядро синагоги – евреи, которые регулярно приходят в синагогу, они составляли старшую возрастную когорту общины, их именовали «фанатично настроенными верующими – хасидами»⁶. Они концентрировались вокруг фигуры пожилого раввина Абрама Рувимовича Лубанова (1888–1973), который был раввином хоральной синагоги с 1943 г. до своей смерти в 1973 г. Указывалось, что число таковых верующих несколько десятков и что они составляют «лицо синагоги».

Как противовес «фанатичной» категории верующих описываются члены исполнительного органа, которые представляются нерелигиозными «средней руки» интеллигентами, но указывается, что они заботятся о синагоге как национальном сосредоточении

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 10. Л. 44–45.

традиций. При этом именно представители исполнительного и ревизионного органов называются в отчетах «руководителями синагоги»⁷.

Подобное восприятие формального руководства общины обнаруживается и в переписке правления Ленинградской хоральной синагоги с СДР, сохранившейся в архиве синагоги. Так, не обнаружено ни одного обращения в адрес Совета, подписанного раввином, в качестве заверителя указывался либо председатель, либо его заместитель⁸.

В символическом плане раввин А. Р. Лубанов воспринимался как духовный лидер и руководитель общины, что нашло отражение в различных источниках. Показательным примером служит публикация в Ленинградском еврейском альманахе [ЛЕА 1982, 112], где были представлены три праздничные речи раввина, произнесенные с синагогального амвона. Анонимный редактор издания в предисловии прямо назвал Лубанова руководителем общины и отметил, что от лично знавших его людей слышал «благодарные слова» в его адрес. Михаил Бейзер, профессор Иерусалимского университета и бывший активист ленинградского отказнического движения 1970-х гг., в своем путеводителе по еврейскому Петербургу также идентифицирует Лубанова как признанного лидера общины [Бейзер 1990, 252–253].

Хотя в официальных документах Уполномоченного СДР раввин А. Р. Лубанов не фигурировал в качестве формального руководителя общины, его статус существенно трансформировался в контексте международных контактов. Характерный пример – описание в годовом отчете его похорон в августе 1973 г., где он назван «одним из виднейших раввинов» не только в СССР, но и за рубежом⁹.

Если раввин не являлся руководителем общины, а на него как на служителя культа не возлагалось законом никаких функций, то был ли он необходим самой общине и был ли он необходим чиновникам? Для ответа на поставленные вопросы, мы выделяем две другие ролевые модели адаптации: «дипломата» и «наставника».

⁷ ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 10. Л. 46.

⁸ Архив Санкт-Петербургской синагоги. Д. 1а.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 10. Л. 52.

Стратегии адаптации раввинского статуса

В документах СДР отмечалась парадоксальная ситуация: несмотря на юридическое исключение раввинов из системы управления общинами, в отчетных материалах уполномоченных выражалась озабоченность их отсутствием. Например, в докладе Уполномоченного по Ленинградской области Г. С. Жаринова за 1973 г. констатируется, что смерть раввина Лубанова создает проблему, а наличие раввина рассматривается как соответствующее «нашим интересам»¹⁰.

СДР допускал сохранение отдельных элементов религиозной инфраструктуры, руководствуясь прагматическими соображениями. Таковым являлось решение о сохранении иешивы при МХС в 1965 г. В служебных записках уполномоченных СДР подчеркивалось, что формальное существование учебного заведения позволяет нейтрализовать критику со стороны международного сообщества относительно запрета на подготовку иудейского духовенства в СССР¹¹.

Аналогичная логика прослеживается и в отношении раввинов, когда сохранение должности религиозного лидера носило формальный характер и использовалось для придания легитимности государственной религиозной политике в глазах международного сообщества. Адаптационная модель «дипломата» заключалась прежде всего в демонстрации зарубежным наблюдателям, что в СССР нет преследования религии и духовенства в особенности. Особенно ярко эта роль проявлялась в центральных синагогах страны, преимущественно столичных: Москвы, Ленинграда, Риги, Киева, Тбилиси. Значение этих синагог и их раввинов было особенным по нескольким причинам.

Во-первых, эти синагоги были наиболее крупными, так как находились в городах со значительным еврейским населением, поэтому даже по меркам советского времени посещаемость синагог оставалась высокой.

Во-вторых, синагоги являлись туристическими объектами для иностранных гостей, посещавших СССР. Частыми посетителями синагог были дипломаты, преимущественно из США, Канады, Ве-

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 10. Л. 53.

¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 153. Л. 161–162.

ликобритании и Израиля (до разрыва дипломатических отношений). Поэтому к раввинам предъявлялись повышенные требования, особенно это касалось раввинов МХС, которые должны были и демонстрировать лояльность государству, и общаться с представителями зарубежной прессы.

В-третьих, как указывалось выше, иудейские общины не имели собственного координирующего органа, в отличие от других конфессий. Если в случае с РПЦ и Духовным управлением мусульман аналогичные функции выполняли соответствующие отделы по международным связям, то в еврейских общинах такого органа не существовало. Развивая мысль о гомогенизации институтов, можно заметить, что данные функции перешли именно крупнейшим столичным синагогам, чьи раввины выступали как своего рода коммуникаторы и с зарубежными религиозными институтами, и со светскими органами.

Сравнение с позднеимперской моделью показывает, что данная роль была совершенно новой, поскольку до революции на иудейское духовенство не возлагалось подобных функций, а все зарубежные контакты между общинами строились в индивидуальном порядке и опирались преимущественно на духовный авторитет, которым пользовались раввины за пределами Российской империи.

Поддержание этой роли для самих раввинов, очевидно, являлось достижением неформального компромисса с советскими чиновниками, предоставлявшими им преференции в обмен на демонстрацию лояльности советскому государству. В частности, раввины МХС И. Левин, Я. Л. Фишман выезжали в зарубежные командировки. Раввин Адольф Шаевич, прежде чем занять пост раввина МХС, получил возможность учиться в иешиве в Будапеште. Общинам разрешалось получать посылки с религиозной атрибутикой (молитвенники, календари, тфиллины), которых не хватало в СССР.

Однако раввина Ленинградской синагоги после смерти А. Лубанова не могли утвердить в СДР до конца 1970-х гг. Даже соображения политической необходимости, которые высказывал Г. С. Жаринов, не смогли ускорить этот процесс. Формальные критерии для занятия должности служителя культа не предъявлялись, однако СДР был заинтересован в кандидате «отвечающим нужным требованиям». Первая кандидатура раввина, имеющего духовное образование (что имеется ввиду, не уточняется) и происходившего из

раввинской семьи, не подходила, так как кандидата поддерживали зарубежные раввины, которые, в том числе и напрямую, обращались в СДР с требованием утвердить его в должности¹².

В информационном отчете за 1976 г. Уполномоченный Г. Жаринов продолжал сетовать в центральный аппарат, что оставался нерешенным вопрос назначения раввина, указывая, что раввин в синагоге нужен не для религиозных обрядов, а именно для ее престижа¹³.

Если же для СДР критерием отбора кандидата на должность раввина прежде всего являлась его политическая лояльность и способность взаимодействия с государственным аппаратом, стоит задаться вопросом, для чего был нужен раввин в самих еврейских общинах, если все хозяйственные и бюрократические вопросы решались исполнительным органом синагоги.

Получаемое религиозное образование отличало раввина от других членов еврейской общины не столько наличием смихи, сколько уровнем его знаний и авторитета в области религиозного права, которые позволяли ему выносить решения. Роль судьи, заключавшаяся в разрешении споров, возникающих в общине (прежде всего экономического характера), не рассматривается в данной статье. В рассматриваемый период не было необходимости разрешать споры между хозяйствующими субъектами, поскольку в советское время отсутствовал объект подобных споров – частная собственность.

Оставшиеся функции раввина – руководство религиозной сферой и наставничество – мы объединяем в единую модель наставника. Фактически это единственные функции, которые могли оставаться в руках раввинов.

Раввин Шертиль Шалумов, горский еврей из Махачкалы, окончивший иешиву «Коль Яаков» в 1987 г., получил два диплома: на право быть резником и заниматься ритуальным убоем скота и на право быть «духовным наставником в своем поколении» [Шалумов 2010, 51, 54].

С точки зрения иудейской традиции для совершения обрядов культа и публичной молитвы не требуется наличия раввина, поскольку данную роль может выполнять любой совершеннолетний мужчина. Однако в условиях разрушения системы начального об-

¹² ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 10. Л. 53.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 24. Л. 55–56.

разования, хедеров, знание основ иудейской веры и навыки чтения богослужебных текстов резко упали.

В этих условиях роль знающего письменную духовную традицию возрастала, и функционал раввина заключался именно в том, чтобы вести публичную молитву, читать тору, проводить праздники в общине. Функции, которые ранее выполняли другие синагогальные работники, канторы, шамаша, габаи, соединились в одном лице наиболее знающего члена общины. В качестве знающего члена общины мог выступать сам раввин, но в условиях, когда раввинов с профессиональным образованием не хватало, в этой роли выступали чаще всего резники или канторы, лица с минимальным образованием, перенимавшие статус раввина.

Данный процесс показывает деградацию профессионализации как результат влияния институциональной среды на организационное поле религиозных общин. Особенно заметен данный процесс в небольших общинах, например, Брянской области. В отчете за 1971 г. Уполномоченного С. Мелеша говорилось, что религиозные потребности верующих Брянской области удовлетворяют три раввина, не имеющих специального образования и старше 75 лет¹⁴.

Из сохранившихся биографических характеристик нескольких духовных лиц, представлявших общины Брянска, Новозыбкова и Клинцев, можно составить социальный портрет духовного лидера общины. Все три служителя культа родились в 1890-е гг., были уроженцами Могилевской губернии, занимались кустарным производством и не получили системного религиозного образования. В период Великой Отечественной войны они находились в эвакуации, после чего поселились в Брянской области, где стали раввинами местных общин уже в пенсионном возрасте¹⁵.

Наиболее частыми заместителями роли раввина становились резники общины, занимавшиеся ритуальным убоем. Соблюдение кашрута – важный маркер идентичности и сохранения традиции. Особенно это заметно в местах компактного расселения евреев на Кавказе и в Центральной Азии: здесь наличие резника, перенимавшего функционал раввина, было актуальнее, чем наличие самого раввина [Walters 1982, 134].

¹⁴ ГАБО. Ф. 2889. Оп. 1. Д. 42. Л. 135.

¹⁵ ГАБО. Ф. 2889. Оп. 1. Д. 42. Л. 94, 95, 98.

В Азербайджане в 1970-е гг. в городах Баку и Куба ситуация с должностью раввина в общинах выглядела следующим образом. Как указывал Уполномоченный СДР, богослужением на Песах в бакинской синагоге горских евреев руководил резник Рафаилов, в Кубинской синагоге горских евреев раввин Авадяев, а в бакинской синагоге русско-грузинских евреев – приглашенный из Риги кантор Н. Я. Аронс¹⁶.

К середине 1970-х в общине горских евреев Нальчика пытались задержать уезжающего на родину раввина, потому что смены для него не было.

В последнее время актив общины озабочен тем, что в синагоге кроме раввина, нет ни кантора, ни резчика, а раввин Садыхов И. упорно добивается выезда на родину в Азербайджан. Община не отпускает его, ибо замены нет¹⁷.

В итоге община была вынуждена в 1977 г. пригласить из г. Термеза другого раввина, А. Б. Ариева¹⁸. Но и он надолго не задержался. Таким образом, нальчикская община пыталась решить проблему путем приглашения на пост раввина лиц из других городов. Схожим образом в азербайджанской общине регулярно приглашали для проведения богослужения кантора из Риги. Когда ресурс для приглашений исчерпывался, по всей видимости из-за отсутствия раввинов, имевших духовное образование, публичную молитву могли проводить наиболее знающие члены общины.

В общине с осени прошлого года нет раввина и богослужения проводят по очереди старцы, называющиеся в общине Коин, требоисполнения по культуре осуществляет Шойхет (резник) Гилядов Д. А., окончивший годичные курсы при Московской синагоге в 1980 г.¹⁹.

Проблема профессионализации раввината в позднесоветский период носила системный характер в еврейских религиозных общинах. Критическая нехватка квалифицированных кадров и фактическое

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 922. Л. 93.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 744. Л.14.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1151. Л. 38.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2059. Л. 8.

отсутствие иешив привели к перераспределению традиционных раввинских функций в пользу резников и канторов, что существенно изменило саму структуру религиозного руководства в общинах.

Государственная религиозная политика формально исключила раввинов из системы управления, лишив их административных и судебных полномочий, но сохранив за ними роль духовных наставников. Их авторитет теперь основывался не на формальном статусе или образовании, а на личных качествах и практических знаниях, что позволяло поддерживать сохраняющуюся религиозную жизнь.

Статус раввина в позднесоветский период претерпел значительные изменения под влиянием антирелигиозной политики государства и институциональных трансформаций в еврейских общинах. Формально исключенные из системы управления, раввины утратили традиционные функции судей и администраторов, но сохранили роль духовных наставников и символических лидеров. Их авторитет основывался не на формальном образовании или должности, а на личных качествах и знаниях, что позволяло им оставаться центральными фигурами в религиозной жизни общин.

Адаптация раввинов к новым условиям выражалась в принятии ролей, которые отвечали как потребностям общин, так и требованиям государства. С одной стороны, они выступали в качестве «дипломатов», представляя СССР на международной арене и демонстрируя лояльность властям. С другой – выполняли функции «наставников», восполняя дефицит религиозного образования и поддерживая традиционные обряды. Это привело к смещению акцента с профессиональной подготовки на практические навыки, что отражало общую трансформацию института раввината.

Литература и источники

- Байбурин 2017 – *Байбурин А. К.* Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.
- Бейзер 1990 – *Бейзер М.С.* Евреи в Петербурге. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. 362 с.
- Архив Санкт-Петербургской синагоги. Д. 1а. (Переписка с уполномоченным советом по делам религий). 1978 г.

- ГАБО – Государственный архив Брянской области.
- ГАБО. Ф. 2889. Оп. 1. Д. 42 (Информационные доклады, планы мероприятий, справки, решения партийных и советских органов по вопросам, относящимся к религии) 1971 г.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).
- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 153 (Информационный отчет Совета в ЦК КПСС о состоянии мусульманской, католической, протестантской, армянской, иудейской религий и церкви ЕХБ за 1967 год.). 1967 г.
- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 744 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Кабардино-Балкарской АССР). 1975 г.
- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 922 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Азербайджанской ССР. Т. 1). 1976 г.
- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1151 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Кабардино-Балкарской АССР). 1977 г.
- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1356 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Кабардино-Балкарской АССР). 1978 г.
- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2059 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Кабардино-Балкарской АССР). 1981 г.
- Герасимова 2024 – *Герасимова В.* Незначительное меньшинство. Евреи в советской Сибири, 1920-е гг. М.: Кучково поле, 2024. 272 с.
- Горбатов 2008 – *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. 408 с.
- ЕЭ 1912 – Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 13. СПб., 1912. 500 с.
- Каспина 2020 – *Каспина М.* Ребецн Сурка: роль жены праведника // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2020: Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции. С. 122–141. DOI: 10.31168/2658-3356.2020.8.
- ЛЕА 1982 – Ленинградский еврейский альманах / отв. ред. Ю. Колкер. Т. 26. Иерусалим: Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства Еврейского университета, 1988. 318 с.
- Люрманн 2012 – *Люрманн С.* Что мы можем знать о советской религиозности? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 485–504.

- Постановление 1929 – Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.04.1929 // Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов) / отв. ред. В. А. Куроедов. М.: Юридическая литература, 1971. С. 10–24.
- Фишман 2017 – *Фишман Д.* Сохранение традиции в революционной стране: Религиозное руководство советского еврейства (1917–1930) // История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза. Т. 3 / под ред. М. Бейзера. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2017. С. 179–211.
- ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
- ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 10 (Информационный отчет о работе Уполномоченного за 1968 г. с приложением статистических сведений <...>). 1970 г.
- ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 24 (Информационный отчет о работе Уполномоченного за 1976 г. <...>). 1977 г.
- Шалумов 2010 – *Шалумов Ш.* По дороге мира: Шаг к себе. Пятигорск: ПЕРО «Геула», Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2010. 300 с.
- Altshuler 2012 – *Altshuler M.* Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964. Waltham: Brandeis University Press, 2012. 324 p.
- DiMaggio 1983 – *DiMaggio P. J., Powell W. W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. No. 48. P. 147–160. DOI: 10.2307/2095101.
- Gitelman 1989 – *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Religion in the USSR and Eastern Europe // Ramet P. (ed.). Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics. Durham; London: Duke University Press, 1989.
- Pinkus 1988 – *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 397 p.
- Walters 1982 – *Walters Ph.* A Russian Jew in Quest of God // Religion in Communist Lands. 1982. Vol. 10. No. 2. P. 133–144. DOI: 10.1080/09637498208431014.

The Status of Rabbis in Late Soviet Jewish Communities: Institutional Challenges and Adaptation Strategies

Semyon Padalko

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PhD student

ORCID: 0000-0002-9491-5003

Department of Ethnography and Anthropology, St. Petersburg State University
199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9,
E-mail: semenpadalko14@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.16

The research is supported by Russian Science Foundation, project No. 24-18-00479

Abstract. The article examines the status of rabbis in Soviet Jewish communities during the 1960s–1980s, analyzing the institutional challenges and adaptation strategies caused by the state’s anti-religious policies. It focuses on three traditional functions of rabbis—religious, judicial, and pedagogical—which underwent significant changes in the late Soviet period. Due to the absence of a system for training clergy (yeshivas) and the natural decline in spiritual leaders, communities were forced to adapt by transferring rabbinical duties to ritual slaughterers (shochets), cantors, and other knowledgeable community members. Special attention is paid to the transformation of the rabbis’ status under state control, their role as “ambassadors” for international representation, and “mentors” for preserving traditions. Using the concept of institutional isomorphism, the author demonstrates how external and internal factors influenced the processes of professionalization and degradation of the rabbinate. The research is based on documents from the Council for Religious Affairs pertaining to three regions: Leningrad, Nalchik, and the Bryansk Oblast.

Key words: *Jews in the USSR, rabbis, synagogue, yeshiva, religious institutions, religious policy*

Reference for citation: Padalko, S. S., 2025, Status ravvina v pozdnesovetskikh evreiskikh obshchinakh: institutsional’nye vyzovy i adaptatsionnye strategii [The Status of Rabbis in Late Soviet Jewish Communities: Institutional Challenges and Adaptation Strategies]. *Kul’tura Slavan i Kul’tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 328–347. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.16

References

- Altshuler, M., 2012, *Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964*. Waltham, Brandeis University Press, 324.
- Baiburin, A.K., 2017, *Sovetskii pasport: istoriia – struktura – praktiki* [The Soviet Passport: History – Structure – Practices]. St. Petersburg, Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 488.

- DiMaggio, P. J., and W. W. Powell, 1983, The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, 48, 147–160. DOI: 10.2307/2095101.
- Fishman, D., 2017, Sokhranenie traditsii v revoliutsionnoi strane: Religioznoe rukovodstvo sovetского evreistva (1917–1930) [Preserving Tradition in a Revolutionary Country: Religious Leadership of Soviet Jewry (1917–1930)]. *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii. Ot revoliutsii 1917 goda do raspada Sovetskogo Soiuza* [History of the Jewish People in Russia. From the 1917 Revolutions to the Collapse of the USSR], 3, 179–211. Moscow, Mosty Kul'tury.
- Gerasimova, V., 2024, *Neznachitel'noe men'shinstvo. Evrei v sovetskoi Sibiri 1920-e gg.* [An Insignificant Minority: Jews in Soviet Siberia in the 1920s]. Moscow, Kuchkovo pole, 272.
- Gitelman, Z., 1989, Jewish Nationality and Religion in the USSR and Eastern Europe. *Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics*, ed. P. Ramet, 59–89. Durham, Duke University Press.
- Gorbatov, A. V., 2008, *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e–1960-e gg.* [The state and Religious Organizations in Siberia in the 1940s–1960s]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 408.
- Kaspina, M., 2020. Rebetzn Surka: rol' zheny pravednika [Rebetzn Surka: The Role of the Righteous Man's Wife]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 122–141. DOI: 10.31168/2658-3356.2020.8
- Luehrmann, S., 2012, “Chto my mozhem znat' o sovetskoi religioznosti? (Sopostavlenie arkhivnykh i ustnykh istochnikov iz poslevoennogo Povolzh'ia)” [What can we know about Soviet religiosity? (Comparing Archival and Oral Sources from the Postwar Volga Region)]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, and Church in Russia and Abroad], 30 (3–4), 485–504.
- Pinkus, B., 1988, *The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority*. Cambridge, Cambridge University Press, 397.
- Walters, Ph., 1982, “A Russian Jew in Quest of God”. *Religion in Communist Lands*, 10 (2), 133–144. DOI: 10.1080/09637498208431014.